

УДК 81'16

О «ФОРМАЛЬНОЙ» И «ВНУТРЕННЕЙ» ГРАММАТИКЕ

Е.Ю. Мягкова

Тверской институт экологии и права, г. Тверь

Обсуждаются теоретические основания существования внутренней грамматики, её несовпадение с формальной грамматикой, возможности описания и необходимость иного (от целого к частному) подхода к обучению грамматике.

Ключевые слова: *внутренний метаязык, метаязыковая деятельность носителя языка, моделирование, внутренняя грамматика.*

В [13] излагались результаты пилотажного эксперимента, проведённого с целью выяснить, как работает внутренний язык при опознании ошибки. Исследование было организовано в рамках изучения специфики внутреннего метаязыка, понимаемого как метаязыковая деятельность носителя языка – необходимое условие пользования языком [11; 12]. В основе анализа лежало представление о том, что внутренний метаязык принципиально не может быть «выведен наружу» для внешнего наблюдателя (каковым может быть и сам индивид), но при этом обязательно формируется у индивида для осуществления речевой деятельности и выполняет, по меньшей мере, две основные функции: идентифицирующую и моделирующую.

Полагая, что исследование внутреннего метаязыка может привести к пониманию того, как действует «внутренняя грамматика», мы предположили, что уровень владения языком зависит, с одной стороны, от степени сформированности «системы» внутреннего метаязыка, а с другой стороны, от соответствия внутренних моделей нормам «внешнего» языка.

Теория языка исходит из признания неразрывной связи языка и мышления. Однако представления о характере этой связи значительно различаются. История языкознания даёт представление о том, как развивались взгляды на эту проблему. Т.Н. Наумова [15] указывает, что в ходе развития отечественной лингвистики понимание необходимости обращения к человеку и особенностям его мышления обусловило возникновение психологически ориентированных теорий языка, в первую очередь, теорий грамматики. При этом самой характерной чертой таких теорий было следующее:

«... лингвист такой ориентации никогда не анализирует одни только внешние знаки, никак не связанные с человеком, отделённые от человека,

будь то изолированное слово, словосочетание или предложение. Он идет не от формы, а от содержания, которое является "внеязычным", мыслительным, которое лишь *объективируется* в языковых единицах, но без рассмотрения которого невозможно лингвистическое описание» [15, с. 2].

Т.Н. Наумова отмечает также, что деятельностный подход к языку диктует и новый взгляд на проблему предложения:

«Предложение в психологически ориентированных концепциях – это не выражение в национальной форме какого-либо конкретного языка универсального логического суждения. Предложение рассматривается в процессе его формирования, в процессе "сказывания" – с точки зрения его генезиса в сознании говорящих, как форма осуществления акта мысли. Оно – воплощение деятельности мышления; в речевой деятельности "человек объективирует мысль"» [15, с. 3].

Если всякую мысль рассматривать как «сопоставление мыслимых объектов друг с другом в каком-либо отношении» [16, с. 214; курсив автора], то грамматику языка следует рассматривать как способ «фиксирования» различных отношений между мыслимыми объектами для объективации мысли в речевой деятельности. Важно, что в такой трактовке число отношений, в которых мысль «сопоставляет объекты друг с другом», видится как конечное и не значимо большое: существуют определённые типы таких отношений, которые можно соотнести с тремя главными категориями отношений (по И.М. Сеченову): сходством, сосуществованием и последованием [16, с. 215]. Соответственно, и на уровне языкового выражения существуют определённые типы отношений, закреплённые в языках разными способами реализации предикативности в рамках предложения как грамматической структуры.

В таком понимании соотношения языка и мышления становится понятным противоречие между формальными описаниями языка и внутренними «представлениями» о языке у рядового его носителя. Следует согласиться с мнением С.И. Бернштейна о том, что «формальная грамматика» не способна «охватить проблему предложения», поскольку

«... идёт не от социальной функции языка к его техническим средствам, а отправляется от технических средств и, не располагая методом для построения языкового выражения мысли, вынуждена то и дело перепрыгивать *от элементов к целому*, которое никак не удается сложить путем механического суммирования» (цит. по: [14, с. 21]).

Целое же может быть выявлено лишь через «перспективу предикативных отношений», через иерархию предикативностей, включающую взаимоотношения между реальным (психологическим) субъектом и предикатом высказывания, между формально-грамматическим субъектом и предикатом, а также «едва намеченные предикативные отношения между отдельными понятиями» («имплицитная предикативность»).

Как видно из сказанного выше, предикативность в концепции С.И. Бернштейна – это категория психологическая, «механизм структурирования содержательных единиц» (см.: [14; 15]).

В концепции Л.С. Выготского без выяснения природы «внутреннего плана речи», который «раскрывается» за семантическим планом (начальным и первым из внутренних планов речи), нельзя понять отношения мысли к слову. Первой и главной особенностью внутренней речи является «совершенно особый синтаксис», характеризующийся фрагментарностью, сокращённостью по сравнению с внешней речью, преобладанием смысла над значением, агглютинацией, «влиянием» смыслов, редуцированностью фонетики. Основная форма внутренней речи – «чистая и абсолютная предикативность» ([4], см. также: [15]). П.Я. Гальперин даёт следующую характеристику внутренней речи:

«... по сравнению с “чистым” мышлением – это ещё речь, а по сравнению с речевым сообщением – это особая речь, форма мышления; от внешней речи она происходит, а благодаря скрытому за ней мышлению её бес-связные частицы выполняют осмысленную роль; и генетически, и функционально внутренняя речь служит переходом от внешней речи к чистой мысли и от неё к внешней речи» [5].

Понятно, что все «мыслимые» типы устанавливаемых субъектом отношений между объектами мысли (и обозначающими их элементами языка) существуют в *предметном* мышлении, «имеющем корни несомненно в чувствовании» [16, с. 215; курсив автора]. По словам А.А. Леонтьева [9], мы живём в мире предметных, а не вербальных значений. Последние появляются только тогда, когда возникает необходимость абстрагирования, или осуществляется рефлексия. В плане рефлексии существует два аспекта представления о языке: системное и интуитивное. Согласимся с мнением А.А. Леонтьева о том, что эти два представления о языке не являются независимыми друг от друга. В этом смысле можно, по-видимому, говорить о наличии у носителя языка некоторого «психологического» эквивалента системы языка, в котором уникальным образом сосуществуют (возможно, как разные виды знаний) интуитивная и «выученная» системы.

В данном контексте внутренняя грамматика носителя языка понимается как метаязыковая деятельность носителя языка, необходимая для пользования языком. Наивные пользователи языка, несомненно, не только пользуются им, но и задумываются о том, как он устроен и как действует. Таким образом, металингвистическая функция является «не столько функцией языка, сколько частью деятельности его носителя» [7, с. 4]. В.Б. Кашкин считает, что в любом языке имеется «встроенный» металингвистический механизм, и любой носитель языка пользуется и механизмом «самоописания и саморегуляции» этого языка. Но каждый носитель языка имеет и определённые представления о языке, его еди-

ницах, процессах его использования и изучения, своеобразную «личную теорию» языка, которая может выражаться как в явных размышлениях об устройстве и употреблении языка, так и в менее явных мнениях и даже предрассудках. «Как и любой другой вид человеческой деятельности, метаязыковая деятельность управляется стереотипами, которые и формируют мифологическую картину жизни языка и жизни в языке» [7, с. 5]. Следует добавить, что метаязыковая деятельность протекает на разных уровнях осознаваемости, выступая как в виде непосредственного обдумывания и рассуждений об устройстве и правилах языка, так и в виде внутреннего знания, позволяющего человеку пользоваться языком.

Необходимо также обратить внимание на тот факт, что метаязыковая деятельность носителя языка, имеющая (как и вся мыслительная деятельность) корни в «чувствовании», неизбежно окрашивается разными оттенками чувственных модальностей, «наводящих» на смыслы. Возможно, именно поэтому те виды речевой деятельности, которые связаны с моделирующей функцией внутреннего метаязыка (например, попытки создать или понять тексты типа *глокой куздры* или *Jabberwocky*), настолько эмоционально окрашены. Очень хорошо об этом сказала Алиса: «Очень милые стишки... но понять их *не так-то* легко. Наводят на всякие мысли – хоть я и не знаю, на какие... Одно ясно: *кто-то кого-то* здесь убил... А впрочем, может и нет...» [8, с. 129; курсив автора]. Это подтверждается и в обсуждении *глокой куздры* со студентами и аспирантами: идентифицируются не только «отношения между объектами», но и предположительные качества этих объектов.

Результаты экспериментального исследования, в котором испытуемые работали с предложениями, содержащими грамматические ошибки [13], показали, что участники эксперимента в большинстве случаев не смогли вывести свои внутренние языковые ориентиры на уровень рефлексии, что свидетельствует, по-видимому, о несформированности понятия на глубинном уровне. Под понятием здесь имеется в виду модель, в которой «могут выражаться и фиксироваться такие качества оригинала, которые либо не выступают в последнем непосредственно, либо не могут быть в нём прямым объектом действия субъекта» [6]. Кроме того, показав знание «частных» моделей языковых единиц (например, модели деепричастия), испытуемые проявили явную неспособность «увидеть» взаимоотношения между реальным субъектом и предикатом высказывания, «едва намеченные предикативные отношения между отдельными понятиями» («имплицитную предикативность»), «иерархии предикативностей» (см. выше трактовку предикативности С.И. Бернтшейном [15] и Л.С. Выготским [4], а также: [6]).

О чем свидетельствуют эти наблюдения? Какое отношение к этому имеют приведённые выше рассуждения о двух аспектах представлений человека о языке? Нужно ли бить тревогу по поводу того, на-

сколько велики расхождения между «формальной» и «внутренней» грамматикой?

В последнее время ведутся оживлённые дискуссии относительно грамотности и, соответственно, успешности обучения языку, как родному, так и иностранному. Например, вполне серьёзно обсуждаются вопросы изменения языковой нормы – приведения её к современному уровню функционирования языка. Так, анализируя по материалам Интернет лишь одну орфографическую ошибку (написание мягкого знака после *т* в формах единственного числа третьего лица возвратных глаголов настоящего времени), А.В. Богданов делает вывод о том, что эта ошибка «не вписывается по скорости возрастания в общую тенденцию увеличения количества орфографических ошибок. На основании этих данных можно сделать вывод о некоторой иной природе таких ошибок» [2, с. 56]. Однако эта природа далее не обсуждается, а лишь говорится о возможности изменения правил правописания. Не комментируя эту перспективу, отмечу, что «иная природа» исследованной А.В. Богдановым ошибки связана, по-видимому, как раз с несформированностью глубинного понятия, о которой говорилось выше. Кстати, многочисленные исследования и наблюдения за письменной речью в сети Интернет (см., например, [1; 18]) показывают, что более гибкое отношение к языку и успешное восприятие нового проявляется у тех, кто читает печатные издания; у этих читателей более богатый словарный запас и творческое отношение к языку.

Насколько важно, чтобы это глубинное понятие было сформировано? Выше говорилось о связи языка и мышления и о том, что с помощью языка человек взаимодействует с предметным миром, устанавливая между его объектами некоторые отношения. От того, насколько хорошо он умеет это делать, зависит не только успешность коммуникации, но и многие другие стороны его жизни. Это значит, что работа над формированием глубинных «правил» должна обязательно вестись в курсах обучения языку, прежде всего – родному языку.

В связи с этим возникает проблема овладения языком / обучения языку. О проблемах современного российского образования сказано уже много, а пути решения этих проблем до сих пор не найдены. В плане обучения языку ни у кого не возникает сомнения в том, что грамматике нужно обучать. Вопрос в том, как это делать, если традиционное школьное и вузовское обучение не дают значимых результатов ни в родном, ни в иностранном языке.

Примечательно, что в учебнике, изданном ещё в 1907 (!) году, И.А. Бодуэн де Куртенэ, обсуждая преподавание грамматики, отмечал:

«... на существующий, живой, готовый материал никто не обращает внимания. Живой язык сам по себе, а обучение грамматическим тонкостям само по себе. Вместо того, чтобы приучаться относиться сознательно к соб-

ственному, давно усвоенному языку, ученики должны зазубривать бессмысленные определения и положения, чуждые всякой связи с живым материалом и, стало быть, психически мёртвые. Куда ни заглянешь в такой одобренный и даже рекомендуемый учебник отечественного языка, везде натыкаешься на отсутствие психической жизненности и логического смысла» [3, с. 6–7].

Обсуждавшийся в [11; 12] метод логической грамматики, разработанный В.В. Милашевичем для обучения переводу научно-технических текстов, частично решает описанные И.А. Бодуэном де Куртенэ трудности и хорошо согласуется с изложенными выше теоретическими положениями. Используемые в рамках этого метода приёмы не только позволяют идти от целого к частному, но и дают возможность моделирования отношений внутренней грамматики для формирования промежуточного языка. Тем не менее, это – лишь начало пути. По-видимому, пришло время реализовать (по возможности!) задачу, сформулированную Ю.А. Сорокиным: «представить в компактной и убедительной форме “грамматику говорящего” (она не написана до сих пор, хотя задача – сверхзаманчивая)» [17, с. 8]. Задача, действительно, «сверхзаманчивая», но и весьма трудная.

Список литературы

1. Беляева Н.В. Гипертекст как когнитивно-коммуникативная единица: экспериментальное исследование [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.В. Беляева ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2010. – 18 с. – На правах рукоп.
2. Богданов А.В. Орфография в интернете: анализ одной орфографической ошибки [Текст] / А.В. Богданов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» : периодическое издание. – Вып. 7 (14), 2008. – С. 50–56.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Введение в языковедение [Текст]. С приложением : сб. задач по «Введению в языковедение» / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – 6-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.
4. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка [Текст] / Л.С. Выготский // Выготский Л.С. Собрание сочинений. – М. : Педагогика, 1984. – Т. 6. – С. 5–90.
5. Гальперин П.Я. К вопросу о внутренней речи [Электронный ресурс] / П.Я. Гальперин // Доклады АПН РСФСР. – 1957. – № 4 / URL: http://flogiston.ru/library/galperin_talk.

6. Давыдов В.В. Анализ структуры мыслительного акта [Электронный ресурс] / В.В. Давыдов / URL: http://www.experiment.lv/rus/biblio/vestnik_3/v3_davidov_analiz_strukt.htm.
7. Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контакты [Текст] / В.Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика : межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 4–34.
8. Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в зазеркалье [Текст] / Л. Кэрролл / под ред. Н.М. Демуровой. – М. : Наука, 1978. – 359 с.
9. Леонтьев А.А. Лекция для студентов 4 курса иняза КГПУ 26 апреля 2000 г. [Конспект].
10. Леонтьев А.А. Язык не должен быть «чужим» [Текст] / А.А. Леонтьев // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 9–12.
11. Мягкова Е.Ю. Моделирование внутреннего метаязыка при обучении пониманию иноязычного текста [Текст] / Е.Ю. Мягкова // Слово и текст: психолингвистический подход : сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2006. – Вып. 6. – С. 122–130.
12. Мягкова Е.Ю. Язык – логика – грамматика: к проблеме моделирования метаязыка [Текст] / Е.Ю. Мягкова // Методология современного языкознания : сб. ст. / отв. ред. А.Г. Сонин, А.С. Баранов. – М. : АСОУ, 2010. – С. 141–150.
13. Мягкова Е.Ю., Репринцева М.А. Исследование внутреннего метаязыка человека на материале грамматических ошибок [Текст] / Е.Ю. Мягкова, М.А. Репринцева // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2012. – № 10. – Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 224–229.
14. Наумова Т.Н. Психологически ориентированные синтаксические теории в русской и советской лингвистике [Текст] : монография / Т.Н. Наумова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1990. – 176 с.
15. Наумова Т.Н. Психологически ориентированные синтаксические теории в отечественной лингвистике (XIX – первая треть XX века) [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Т.Н. Наумова : Ин-т языкознания АН СССР. – Москва, 1991. – 34 с.
16. Сеченов И.М. Элементы мысли [Текст] / И.М. Сеченов. – СПб. : Питер, 2001. – 416 с.
17. Сорокин Ю.А. Нас было немного [Текст] / Ю.А. Сорокин // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 7–9.
18. Lee, J.H. What does texting do 2 language? The influences of exposure to messaging and print media on acceptability constraints [Электронный ресурс] : MA Thesis / J.H. Lee. – Calgary : University of Calgary, 2011 / URL: <http://hdl.handle.net/1880/48490>

TO THE POBLEM OF «FORMAL» AND «INNER» GRAMMAR

E.Yu. Myagkova

Tver Institute of Ecology and Law, Tver

Theoretical grounds of inner grammar existence, inner and formal grammars discrepancy, inner grammar description possibilities and a new approach to teaching grammar are discussed.

Keywords: *inner metalanguage, speaker metalanguage activity, modeling, inner grammar.*

Об авторе:

МЯГКОВА Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественно-научных дисциплин Тверского института экологии и права, e-mail: elenamyagkova@mail.ru